

Марина
СЕРОВА

Не люби красивого

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Не люби красивого
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21235893
Не люби красивого : [роман] / Марина Серова: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-91353-4

Аннотация

Какая российская женщина, да еще с двумя детьми и зарплатой как кот наплакал, не мечтает выйти замуж за француза? Алекс красив, богат, спит и видит себя женатым – почему именно его должны были убить в первый же вечер после знакомства с русской невестой? Теперь все в руках частного детектива Тани Ивановой. Железная логика, неукротимое обаяние, немножко мистики – и Париж со всеми своими тайнами будет у наших ног!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	61
Глава 9	66
Глава 10	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Марина Серова

Не люби красивого

© Серова М. С., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

– Убивать ты будешь много и жестоко – только так ты сможешь обрести покой, – сказал отец.

– Но я не хочу убивать, – попытался возразить сын.

– От твоего желания ничего не зависит. Когда-то наш предок совершил поступок, который определил судьбу рода, нашу с тобой судьбу.

– Отец, но ведь должен же быть выход?

– Я пытался найти его, проводя долгие часы в храме за молитвой и встав под знамена нашего Господа Иисуса. Но Бог не внимлет тому, кто хоть раз имел дело с дьяволом.

– В таком случае я лишу себя жизни.

– Это большой грех, сын мой.

– А не больший грех убивать?

– Это тоже большой грех, но ты можешь убивать во славу Христа.

– Отец, мне страшно.

– Страшнее того, что уже случилось с нами, ничего нет.

Поэтому ты будешь бесстрашным воином и прославишь свое имя.

– Но я буду молить Бога, чтобы он даровал мне смерть в бою.

– И этой милости ты не получишь – проклятье нашего рода заключается не только в неудержимом желании убивать, но и в невероятной удаче, которая сопровождает нас и на поле боя, и в мирных делах. Поэтому смирись и прими все, как есть.

– Я буду молиться, отец.

Глава 1

– Таня, я так больше не могу! – зарыдала в телефонную трубку Ленка. Позвонить в шесть утра и начать разговор так, будто он не кончался с вечера, это вполне в духе моей закадычной подруги, которая имеет удивительную способность притягивать к себе всяческие неприятности.

– Лен, ты на часы смотрела? – сделала я слабую попытку прервать разговор. Но, как оказалось, подруга ждала именно этого вопроса.

– Да, и не раз! Я вообще только и делаю, что всю ночь смотрю на часы. – И дальше, обретя наконец-то слушателя, Ленка, не переставая плакать, поведала печальную историю о том, что она забыла закрыть кран с горячей водой.

Возвращаясь домой с работы, она застала у себя на лестничной клетке целую толпу разъяренных соседей, которые собирались ломать дверь, чтобы положить конец потоку горячей воды, низвергающемуся с их потолка. «Радовались бы, – успела подумать Ленка, – что горячую воду дали. Три месяца в тазиках мылись!» Но ее радость никто, видимо, разделять не собирался. Да и ее ликование по поводу налаженного водоснабжения быстро улетучилось, как только она вошла в квартиру. Хотя открывшуюся ей картину квартирой назвать было сложно – скорее, озером, над которым поднимается предрассветная дымка. Шум и ругань соседей

окончательно опустили Ленку на землю, и она в полной мере оценила масштабы катастрофы. «Вселенская», – определила ее подруга. И это не было преувеличением. После того как она выслушала от соседей все, что они думают о ней и ее образе жизни, как ей пригрозили судом и полицией, обессиленная учительница французского языка согласилась на все условия, главным из которых было следующее – она полностью возместит им убытки, понесенные в результате ее безобразного поведения. Вот так из скромной учительницы, замученной нерадивыми учениками (кому сейчас нужен этот французский язык?), вечной нехваткой денег и времени, она в один миг превратилась в аморальную особу, буквально взорвавшую мирную жизнь целого подъезда. А все из-за того, что, имея тонкие проблемные волосы, Ленка вынуждена была каждый день мыть голову, чтобы до вечера сохранить на ней хоть какое-то подобие прически. Вот почему каждое утро, вызывая мысленно к сантехническому богу, она с трепетом открывала кран в надежде увидеть хотя бы тоненькую струйку горячей воды, которая освободила бы ее от мытья головы в большом зеленом тазу. Мытьем эту процедуру назвать было сложно, потому что, согнувшись в три погибели, одной рукой приходилось лить воду на голову, зачерпывая ее из таза большой, под стать тазу, кружкой, а другой – пытаться собрать волосы под струей, чтобы смыть шампунь. Ни о каких кондиционерах, масках и прочих косметологических изысках думать не приходилось. Ежедневные

гигиенические, а вернее, гимнастические па забирали массу времени, не доставляя никакого удовольствия, и затягивать их не хотелось. В это злосчастное утро все начиналось как обычно. Ленка встала, произнесла заклинание, открыла кран, он не издал ни звука – сантехнический бог по-прежнему хранил упорное молчание. Но чайник на плите издал истошный вопль, и подруга бросилась на кухню, чтобы его утихомирить. А дальше все пошло своим чередом: чайник, тазик, кружка, следующие за всем этим раздражение и обида на свою никчемную жизнь.

Оставшись, наконец, одна, Ленка принялась ликвидировать последствия так внезапно настигшего ее счастья. Видимо, сантехнический бог все-таки слышал ее и пролил в открывшееся отверстие долгожданную влагу нужной температуры. Через три часа, собрав воду с пола, выбросив безнадежно испорченные вещи на помойку и развесив на просушку все, что еще можно было спасти, Ленка с облегчением села в кресло и, подытожив перипетии дня, сказала вслух свою любимую фразу: «Главное – чтобы все были живы и здоровы». Подняв тем самым себе настроение, она решила закрепить полученный эффект водными процедурами, которых она была лишена долгих три месяца. Но, увы, милость бога ванн и раковин была безгранична – войдя в ванную, Ленка вновь увидела знакомую картину рассветного озера. Из проравшейся трубы на пол ванной тонкой струйкой лилась горячая вода.

А дальше началось все сначала – разъяренные соседи, согласие возместить понесенные расходы – с той лишь разницей, что теперь надо было вызывать сантехника, который неизвестно где находился «по срочному вызову». Явился он с этого вызова в непотребном виде, хотя и готовый приступить к своим обязанностям за определенную плату в жидком эквиваленте. Жидкого эквивалента в нем было уже предостаточно, поэтому Ленка от услуг сантехника отказалась и вызвала аварийную бригаду. Аварийная бригада тоже не торопилась. И это понятно. Трубы в городе рвались, как бомбы под Сталинградом, – часто и на мелкие кусочки. Только к утру измученная Ленка проводила рабочих и смогла, наконец, с облегчением вздохнуть.

– Я так больше не могу! – вновь произнесла подруга после того, как в мельчайших деталях поведала мне историю своих злоключений.

– Ну, и что ты предлагаешь? – сочувствуя подруге, но все-таки язвительно спросила я.

– Мне надо выйти замуж!

– Замуж?! За кого?! – Моему возмущению не было предела. – Ты уже была замужем. Забыла? Даже представить не могу, чтобы твой бывший чем-нибудь помог тебе в подобной ситуации. Наоборот, еще бы проблем добавил, запив, имея на то вескую причину – потоп. Да и где ты себе нормального мужика найдешь, у себя в школе? Нормальные мужики у вас в Трубном районе не водятся, да и преподаванию они пред-

почитают нормальную мужскую работу.

– А я за иностранца замуж выйду! За француза. И уеду я в солнечную Францию, на Лазурный Берег, где всегда есть горячая вода и никакого отопления зимой.

– И выходи! – отрубил я и повесила трубку.

Часы показывали половину седьмого. С таким ранним пробуждением меня мог примирить только очень горячий и очень хороший кофе. К счастью, такой кофе у меня был – подарок Гарика, который уже несколько лет не терял надежды включить меня в свой список Казановы, а посему время от времени баловал гватемальским кофе. Прочитав однажды в Интернете о том, что этот кофе считается одним из лучших в мире, он решил с его помощью добиться благосклонности своей несговорчивой подруги.

Вдыхая ставший привычным аромат гватемальского кофе с нотками темного шоколада, специй и фруктов, я прокручивала в голове утренний разговор с Ленкой. Замужество она никогда не рассматривала как способ решения какой-либо проблемы. Она никак его не рассматривала. Но отчаяние подруги было настолько безысходным, что мои мысли невольно двигались в определенном направлении. «А что по этому поводу скажут кости?» – подумала я и отправилась в кабинет за мешочком, в котором я всегда находила ответы на мучившие меня вопросы. Не выпуская кофейной чашки из рук, я бросила кости: «36+20+2» – выходите замуж при первой представившейся возможности. Ну, уж если сама судьба

дает такой совет, то сопротивляться бесполезно. «Только за Ленкой надо присмотреть, а то она и здесь может влипнуть в какую-нибудь историю», – подумала я и решила тотчас же навестить подругу.

Ленку я застала за компьютером. Не откладывая дело в долгий ящик, она обозревала сайты знакомств и уже пребывала в легком разочаровании. С фотографий, имеющих в свободном доступе, на нее взирали сплошь потрепанные жизнью, бывшими женами и вредными привычками мужчины, имеющие тем не менее тысячу и одно требование к своей будущей половине. На надежду и опору они явно не тянули. Скорее, сами искали женщину, которая будет не только украшать семейный очаг, но и добывать для него хворост.

Поддавшись Ленкиному упорству, с которым она методично бороздила просторы интернет-пространства, я села рядом, и вместе мы пролистали еще с дюжину сайтов, но безрезультатно – мужчины Ленкиной мечты на них не было.

– Не судьба, – грустно произнесла подруга и пошла на кухню.

С кухни она вернулась с бутылкой вина.

– «Дом Периньон» урожая тысяча девятьсот девяносто шестого года, – с гордостью произнесла она, пресекая тем самым мои возражения. Хорошее вино, как и хороший кофе, было ее слабостью.

– Откуда у тебя такая роскошь? – удивилась я.

– Подарок благодарного ученика. Помнишь, весной ме-

ня попросили позаниматься французским языком с директором нефтеперерабатывающего завода перед его поездкой в Марсель? Так вот директор, вопреки моим опасениям, оказался очень способным к языкам и за месяц вполне сносно освоил необходимый минимум. А после того как французы несколько раз похвалили его французский, он расчувствовался и привез мне вот такой шикарный подарок.

Бутылка открылась, издав благозвучный хлопок, и Ленка наполнила бокалы. «За нас!» – сказали мы одновременно и сделали первый глоток. Легкие пузырьки защекотали нёбо, создавая праздничное настроение. Мы сидели посреди комнаты, которая совсем недавно была озером, с развешенными на просушку вещами, с открытыми дверцами шкафов и, несмотря на весь этот бедлам, наслаждались изысканным ароматом и чудесным вкусом вина. Когда позитивный взгляд на жизнь был восстановлен, ко мне вернулась привычка мыслить конструктивно:

– Лена, если тебе надо починить утюг, ты куда идешь?

– В сервисный центр.

– Правильно. Ты же в устройстве утюга ничего не понимаешь, и даже если тебе удастся его вскрыть, ты вряд ли сумеешь его починить. Так почему же в таком важном и ответственном деле, как поиск мужа, ты решила действовать самостоятельно?

– Тань, я ничего не понимаю. Ты к чему клонишь?

– Да к тому, что и в этом деле есть свои профессионалы –

брачные агентства.

– Танька, ты гений! – воскликнула Лена и бросилась к компьютеру.

После долгих поисков и споров мы пришли наконец к согласию и остановились на парижском брачном агентстве «Alliance»¹. Дальше все пошло быстрее. Регистрация заняла не более пяти минут, и даже с заполнением анкеты из 36 пунктов мы справились в рекордно короткое время. В бокалах еще оставалось шампанское, и Ленка, подняв свой, громко сказала: «Vive la France!»² Этот тост она произносила всегда, когда ей было хорошо. «Вот и славно!» – поддержала я подругу и стала собираться домой.

Весь следующий день я занималась своей «девяткой», которая с некоторых пор стала себя вести как-то странно. При сухой погоде претензий к машине не было. Но стоило попасть ей под дождь, как она начинала чихать, дергаться, а пару раз даже глохла и никак не хотела заводиться. В автомобильных внутренностях я не разбиралась, поэтому и диагноз поставила человеческий – грипп. А поскольку грипп чреват серьезными осложнениями, то консультации специалиста не избежать. Специалист – дядя Леша – работал на небольшой станции техобслуживания в 9-м квартале, куда по сегодняшним пробкам добираться было полдня, но дядя Леша того стоил. Всю дорогу я думала о том, как было бы хорошо, если

¹ Союз, обручальное кольцо.

² Да здравствует Франция!

бы для машин были такие же аптеки, как для людей. Тогда бы сегодня она не изнывала от жары в километровой пробке, а купила бы в аптеке какой-нибудь автоколдтрекс и засыпала его в бензобак. На СТО я добралась ближе к полудню. К счастью, дядя Леша быстро поставил диагноз – все дело было в неисправном воздушном фильтре, который я не меняла со времен царя Гороха. Фильтр поменяли, и на радостях я решила навести красоту выздоровевшей «девятке». Мойка у меня тоже была пристрелянная – у Политеха. Туда пришлось опять ехать через весь город, но ни на какую другую я бы и не поехала – на мойке у Политеха было небольшое кафе, в котором подавали очень неплохой кофе. Поэтому там мы обе – и машина, и ее владелица – прекрасно проводили время. Пока «девятка» принимала водные процедуры, я сидела в уютном зальчике под крышей и наслаждалась своим любимым напитком.

По дороге домой пришлось заехать в магазин – день удался, поэтому удовольствие хотелось продлить. Запаса продуктов у меня в доме отродясь не было во избежание соблазна пожевать чего-нибудь вкусенького на ночь. Пара низкокалорийных йогуртов, груши или яблоки, минеральная вода без газа – вот все, на что я могла рассчитывать. Но только не сегодня! Праздничное настроение требовало соответствующего антуража, поэтому в супермаркете я купила свои любимые морепродукты, сыр, упаковку итальянской зелени, мороженое и мандариновый джем.

На приготовление ужина средиземноморской русалки ушло не более получаса: отварить морепродукты, засыпать их тертым сыром и слегка подогреть на сковороде, зелень сбрызнуть бальзамическим уксусом и оливковым маслом, украсить мороженое ложечкой джема и сварить кофе. И вот, наконец, я забралась с ногами в кресло, приняла позу копенгагенской русалочки и придвинула сервированный журнальный столик. Но как только я взялась за вилку, зазвонил телефон.

– Тань, ты почему не берешь трубку? – вопила в телефонную трубку Ленка.

– А что я, по-твоему, сейчас делаю?!

– Я звоню тебе весь вечер, ты почему не отвечаешь?

– Могла бы позвонить на мобильный.

– Так я и на мобильный звонила!

Вот черт! До меня только сейчас дошло, почему за целый день мне никто не позвонил. Вчера, вернувшись от Ленки, я вынула телефон из сумки, чтобы поставить его на зарядку, но, отвлекшись на какую-то мелочь, так и оставила его лежать на кухонном столе. Там он и оставался, бездыханный, без малейших признаков жизни. Подключив зарядник и взглянув на экран телефона, я увидела 26 пропущенных вызовов.

– Лена, что случилось? – спросила я, чуя неладное.

– Таня, срочно приезжай, ты должна это увидеть!

– Да что увидеть-то?

– Ничего не скажу. Приезжай! – и Ленка повесила трубку.

Превращение в русалку откладывалось. Я с сожалением посмотрела на накрытый стол, убрала мороженое в холодильник и вышла из дома.

Ленку я застала в крайне возбужденном состоянии. Она схватила меня за руку, подвела к письменному столу и ткнула пальцем в экран монитора: «Вот!» С экрана на меня смотрел красивый мужчина лет 35 – Ален Делон и Марчелло Мاستроянни в одном флаконе. Он был так хорош, что походил скорее на произведение искусства, чем на живого человека.

– Ну, и кто это?

– А ты не догадываешься?

– Нет.

– Жених!

– Чей жених?

– Мой!

«Вот они, последствия вчерашнего дня, – пронеслось у меня в голове. – Не иначе как у Ленки крыша поехала».

– Лена, ты успокойся, выпей воды. Где у тебя аптечка?

– Какая аптечка? У тебя что-то болит?

– У меня? Нет. Просто тебе надо успокоиться и выпить чего-нибудь.

– Таня, это тебе надо выпить и успокоиться. Я в полном порядке.

– Конечно, ты в полном порядке. Просто переутомилась вчера, поэтому надо выпить лекарство и лечь спать, а завтра

все будет хорошо. Так где у тебя аптечка?

– Таня, сядь. Это действительно жених. Его фотографию мне прислали сегодня из того брачного агентства, куда мы вчера отправили анкету.

– Так быстро?

– Я сама удивляюсь. Но все верно. Вот письмо, вот адрес электронной почты, вот его анкета.

Ленка щелкнула мышкой, и на экране появилась анкета, из которой следовало, что Алекс Миро, 34 года, преподаватель истории в лицее Людовика Великого, без вредных привычек и материальных проблем, увлекается шахматами, ищет жену из России, милую, добрую, до 30 лет, можно с детьми.

«Выходите замуж при первой представившейся возможности, – пронеслось у меня в голове недавнее предсказание. – Вот она, первая представившаяся возможность».

– Надо брать, – сказала я вслух. – Где твоя, Ленка, не пропадала. А с таким мужиком...

– Тань, а как ты думаешь, почему он с такой внешностью до сих пор один? Что, ему во всей Франции невесты не нашлось?

– Для мужчины, да еще француза тридцать четыре года – не возраст. Они там сначала карьеру делают, жилье приобретают, быт налаживают, а уж потом только семьей обзаводятся. Лена, да где он себе во Франции такую невесту найдет! Ты ж у нас умница, красавица, стрессоустойчивая – другие

у нас не выживают – и даже двое готовых детишек имеются. Все, садись за компьютер, будем ответ писать французскому султану.

Мой настрой воодушевил Ленку, и она написала ответ, в котором выразила желание познакомиться с Алексом поближе.

Второй бутылки «Дома Периньона» в доме не нашлось – да и откуда бы? – поэтому нам пришлось объявить пьянству бой и перейти на чай. Но чашки мы все-таки подняли, и Ленка произнесла свой любимый тост «Vive la France!». Ей было хорошо, хотя и немного тревожно. События развивались как в сказке. Захотела мужа-иностранца, и вот он – на блюдечке с голубой каемочкой.

Домой я вернулась поздно. Русалочий ужин, оставленный на столе, потерял свою привлекательность. Хорошо хоть мороженое перед уходом я успела убрать в холодильник. Устроившись в кресле с креманкой, я перебирала в голове события сегодняшнего вечера. Мысли роились и жужжали, как пчелы, поэтому, доев мороженое, я сказала себе слова своей любимой героини «Я подумаю об этом завтра!» и отправилась спать.

Отношения Ленки и Алекса развивались стремительно. Взаимный интерес быстро перерос в симпатию, а через месяц Ленка призналась, что она влюблена. «Лена, не теряй голову!» – каждый раз повторяла я ей, когда та с горящими глазами рассказывала о том, какой Алекс хороший, как он

любит детей и как они будут жить, когда поженятся. Но Ленку было уже не остановить. Ее мечты приобретали реальные формы и превращались в вполне конкретные планы: жить они будут, конечно, в Париже, но квартиру придется поменьше – для семьи из четырех человек две комнаты, которые были у Алекса, – это очень мало. Летом они будут уезжать в Кассис к матушке Алекса, маленький уютный городок на берегу Средиземного моря. Это все Ленка рассказывала мне по телефону, взяв привычку звонить каждый вечер и по часу делиться своими планами на будущее. Мне все, происходившее с подругой, казалось нереальным, однако события следовали одно за другим, и однажды вечером Ленка сообщила: «Он приезжает!» По тому, как это было сказано, я сразу поняла кто.

Глава 2

Вся неделя до приезда Алекса прошла в невероятной суете. Благо были каникулы и Ленка отвезла детей к матери в Рябиновку. Помогать подруге с уборкой квартиры я наотрез отказалась – домашние дела я не любила, поэтому дома у себя все делала по минимуму. Четыре раза в год пользовалась услугами клининговой компании, а в остальное время старалась быть аккуратной и не запускать квартиру. Ленка в одиночку взялась за хозяйство, и через три дня ее хрущевская двушка блестела от потолка до пола. Еще два дня ушло на шопинг. Как выяснилось, надеть Ленке было абсолютно нечего, хотя свободного места в шкафу не было тоже. Мне, предпочитавшей красивой одежде удобную, Ленкины проблемы казались смешными, но тут я не могла бросить подругу и мужественно сопровождала ее по тарасовским бутикам в поисках соответствующего случаю наряда. Несмотря на обилие в городе этих самых бутиков, шанс найти в них нужную вещь, да еще и фирменную, чтобы не ударить в грязь лицом перед жителем столицы мировой моды, практически равен нулю. Если во времена Ильфа и Петрова все импортные вещи, говоря словами Остапа Бендера, производились в Одессе на Малой Арнаутской, то сейчас мало что изменилось. Все «дольче и габбаны», которыми пестрят тарасовские витрины, по-прежнему производятся не там, где, судя

по этикеткам, они должны быть произведены. Подпольные одесские цеха перекочевали в Поднебесную, где превратились в целую индустрию дешевого prêt-à-porter, неудержимым потоком хлынувшего в Россию.

К исходу второго дня, перемерив практически все, что было в магазинах, мы остановились на маленьком синем платье с двумя широкими полосами белого и серого цвета по низу, зеленых узких брюках, белом пиджаке и черном шифоновом топе. К счастью, подходящая обувь у Ленки была. Обувные бутики я не перенесла бы, потому что обувь в Тарасов привозили, видимо, из таких мест, где люди имели смутное представление об удобной, но, главное, красивой обуви.

Весь шестой день Ленка чистила перышки в салоне красоты. Ради такого случая я отвела ее к своей приятельнице Светлане, к услугам которой сама прибегала всякий раз, когда мне надо было изменить внешность. Будучи частным детективом, я иногда подолгу слежу либо неверного супруга, либо подозреваемого в совершении преступления, и от того, обнаружит ли объект слежку, во многом зависит успех операции. Поэтому я высоко ценю мастерство Светланы и никогда не скуплюсь на чаевые.

Светлана не подвела и на этот раз. Ленка хотя и была хорошенькой, но из салона вышла настоящей красавицей со стильной стрижкой, изящным французским маникюром и сияющим после массажа лицом.

– Теперь, подруга, тебе надо выспаться, – напутствовала

я Ленку во время очередного вечернего телефонного разговора.

– Ты что? Какой сон! Мне совсем не хочется спать.

– И что ты собираешься делать?

– Не знаю. Напишу Алексу письмо. Таня, я такая счастливая!

– А надо, чтобы завтра ты была красивая, а не с синяками под глазами после бессонной ночи. Зря, что ли, Светка старалась? Поэтому ложись спать и не порть ее работу. Спокойной ночи.

В двенадцать ночи телефон зазвонил снова.

– Таня, я боюсь, – еле слышно лепетала Ленка.

– Ленка, имей совесть, я только уснула. Чего ты боишься?

Привидения?

– Таня, а вдруг Алекс не тот, за кого себя выдает?

– Как это?

– Вдруг он какой-нибудь брачный аферист.

– Да что с тебя взять, солнце мое?

– Он-то об этом не знает. Может, он думает, что у меня шикарная квартира, машина и счет в банке.

– Ну, да. А еще двое детей, кредит на ремонт и куча мелких долгов.

– Таня, я серьезно. У меня действительно дети. И больше всего на свете я боюсь, что они могут пострадать из-за моего легкомыслия.

– Поздно пить боржоми, детка. Алекс приезжает завтра.

– Таня, поехали его встречать вместе.

– Ты что? С ума сошла? Я вам зачем?

– Нам ты, может, и незачем. А мне так очень нужна. Ты же у нас детектив. Вот и посмотришь на него со стороны, должна же твоя дедукция тебе что-нибудь конкретное сказать.

– Не дедукция, а интуиция, – машинально поправила я подругу.

– Какая разница! Ты же умница. Ну, пожалуйста!

Справедливо полагая, что Ленка будет канючить до утра, я согласилась сопровождать ее в аэропорт.

– Вот и славно, – облегченно вздохнула подруга. – Ты настоящий друг.

– Не друг, а подруга, – возразила я. – Спокойной ночи.

Сетуя на то, что уже не уснуть, я пошла на кухню, поставила чайник и взяла с полки книгу Сильвии Плет «Веерный мир». Книга была толстая, и читала я ее уже довольно долго. Ночные чтения за чашкой зеленого чая давно вошли у меня в привычку. И хотя места в квартире у меня предостаточно, бессонными ночами я люблю читать на кухне, сидя за столом и положив вытянутые ноги на стул. Вопреки своим правилам ничего не есть после шести я положила в розетку ложечку мандаринового джема, оставшегося после неудавшегося русалочьего ужина, и приготовилась окунуться в загадочный мир Аккалабата. Но, на удивление, проблемы аккалабатских даров сегодня как-то не трогали. Из головы не шел последний разговор с Ленкой. И чего она так всполо-

шилась? Алекс человек не с улицы. Его анкету прислало солидное парижское агентство (в том, что агентство было солидное, я не сомневалась, у меня есть свои проверенные на практике методы, как отличить честных людей от мошенников), в котором случайных клиентов не бывает. «Все у Ленки будет хорошо, – сказала я себе, чтобы прогнать тревожные мысли. Во-первых, кости никогда не врут, а во-вторых...» Во-вторых, в голову лезли только строчки из песен: «Любовь нечаянно нагрянет...», «И это приятней, чем грусть без любви...». «Может быть, это тот самый случай – один на миллион, когда «люди встречаются, люди влюбляются, женятся...», живут долго и счастливо и умирают в один день», – подвела я итог своим размышлениям. И чтобы окончательно утвердиться в своих мыслях, я взяла мешочек и кинула кости. «10+18+27» – вы найдете огорчения и горе там, где искали забаву.

Глава 3

На следующий день я на своей «девятке» заехала за Ленкой, и мы отправились в аэропорт встречать Алекса. Чтобы ничем не омрачать праздничное настроение подруги, я не стала ей рассказывать о предсказании, но, безоговорочно веря гаданию, решила быть предельно внимательной и хорошенько присмотреться к гостю, ведь по твердому моему убеждению причиной вероятных огорчений мог быть только он.

Самолет из Москвы опаздывал, и с каждой минутой ожидания Ленка паниковала все больше. «Таня, может, ну его, этого Алекса. Поедем домой», – канючила она. Я, как могла, успокаивала подругу, но ее состояние соединяла с тревогой, вызванной предсказанием, и я тоже начинала нервничать. Наконец голос диктора объявил о прибытии нужного рейса, и мы поспешили в зону прилета.

Алекса я узнала сразу. И не только потому, что такие красивые мужчины – товар штучный и встретить двух аполлонов в одном самолете просто невозможно. Алекс показался на трапе с большущим букетом алых роз, которые притягивали к себе взгляды встречающих. Когда все формальности были соблюдены, багаж получен, Алекс предстал перед нами во всей своей неземной красоте. Лицо его сияло улыбкой, по всему видно, что он был счастлив и не стеснялся выра-

жать свою радость. Ленка же, напротив, еще больше смутилась и практически лишилась дара речи. Я с помощью мизерного запаса французских слов и одного предложения: «Je ne mange pas six jours»³, пользы от которого ноль, пыталась спасти ситуацию, но безуспешно. Ленка буквально превратилась в соляной столп, подобно жене Лота, но не оставлять же ее было в выжженной пустыне! Я, не переставая улыбаться, незаметно подталкивала подругу к выходу и жестами показывала Алексу, что нас ждет машина. В этой суматохе я не сразу услышала звонок мобильного телефона. «Боже мой!» – воскликнула я, когда увидела на экране номер.

Два месяца назад я получила гонорар за одно очень хлопотное дело. Ревнивый муж, уверенный в том, что жена ему изменяет, и не сумевший самостоятельно уличить супругу в неверности, обратился ко мне с просьбой найти доказательства измены. Клиент мне сразу же не понравился. Я никак не могла представить себе рядом с ним хоть какую-нибудь женщину. Гарри Андреевич, так звали клиента, был толст и пузат, при этом манерен и до неприличия самовлюблен. «Тебе бы жениться на самом себе», – подумала я. В другое время я нашла бы способ под благовидным предлогом отказать неприятному клиенту. Но мне срочно нужны были деньги. Диван, который достался мне от бабушки на новоселье, приказал долго жить, и ему срочно требовалась замена. В душе я перфекционистка и малейший дефект рассматриваю

³ Я не ел шесть дней.

как непоправимый урон, не говоря уже о треснувшей обивке пусть почти антикварного и дорогого мне дивана. Дело я распутала быстро. Жена, не имевшая возможности уйти от мужа-зануды, действительно изменяла ему. Раз в месяц она ходила на прием к гинекологу, который и был ее любовником. Прием, по сути, и был их свиданием. Женщина врача не любила, но факт измены поднимал ее самооценку и был актом мести за все унижения, которым она претерпевала от мужа-тирана. Врач же оказался экстремалом, и благодаря сексу в кабинете, двери которого не закрывались на ключ, он получал необходимую дозу еженедельного адреналина. Получив деньги, я тотчас же отправилась в магазин и выбрала дорожный диван, обитый белой кожей. «И будешь ты у меня звать гиневаном, – нарекла я диван, перед тем как пройти к кассе, – в честь гинеколога-экстремала и его находчивой подружки».

Диван должны были привезти через месяц, но доставка затягивалась. Я каждый день звонила в магазин, вежливые продавцы извинялись, но ни точной даты, ни времени доставки назвать не могли. Наконец спустя три недели после обещанного срока голос в трубке сообщил, что завтра диван будет доставлен. Но как раз завтра я должна была ехать в Тишево к местному главе администрации. Глава был человеком очень занятым, а дело к нему было очень срочное, поэтому ехать надо было обязательно. Я оставила ключи соседке Анастасии Федоровне, которая работала в больнице мед-

сестрой и как раз вернулась с дежурства. Завтра у нее был выходной.

– Танюша, не беспокойся. Я все сделаю, – напутствовала меня Анастасия Федоровна.

Первое, что я увидела, вернувшись домой, был темно-коричневый диван с витыми ножками и похожей на ракушку спинкой. Я сразу же бросилась к соседке, и та рассказала мне, что машина прибыла в точно назначенное время, она проследила за тем, чтобы диван внесли аккуратно, не поцарапав ни его, ни другую мебель. Рабочие быстро собрали диван, и она подписала документы, которые оставила в прихожей на тумбочке.

– Что-нибудь не так? – встревожилась соседка.

– Анастасия Федоровна, они привезли не тот диван. Вот смотрите – в документах написано: обивка – белая кожа, а тот, что они привезли, обит коричневой тканью.

– Танюша, прости меня. Я все смотрела, чтобы они ничего не испортили, а в бумагу толком и не заглянула.

После долгих переговоров с менеджерами мебельного салона, которые обвинили меня в том, что я присвоила себе чужую вещь, я включила стерву, и статус-кво был восстановлен. Передо мной извинились и обещали исправить ошибку в самое ближайшее время. Но время у них и у меня, видимо, текло по-разному. Прошла уже неделя после злосчастной путаницы, и вот только сегодня мне позвонили из магазина и сказали, что завтра у меня заберут чужой диван и доставят

мой. На этот раз, чтобы избежать недоразумения, я четко и ясно повторила за менеджером дату и время доставки, уточнила характеристики дивана, его стоимость и адрес доставки: Ленинградская, 15, квартира 50.

За то время, пока я разговаривала по телефону, Ленка пришла в себя и начала издавать членораздельные звуки. В машине она окончательно оправилась, и я с облегчением выдохнула.

– Приехали, – остановив «девятку» у дома подруги, сказала я. – Дальше, ребята, сами.

– Non, non, non⁴, – залопотал Алекс и стал что-то быстро говорить Ленке, когда та перевела ему мои слова.

– Таня, Алекс не хочет, чтобы ты уезжала. Он знает, что ты для нас сделала, поэтому очень просит тебя остаться, чтобы ближе с тобой познакомиться. Ведь ты же мне как сестра. А знакомство с семьей – это первое, что делает мужчина, намеревающийся попросить руки женщины.

– Ленка, без меня вы быстрее договоритесь. Тем более что во французском я ни бум-бум. Буду сидеть, как китайский болванчик: улыбаться и кивать. Нет, нет и нет.

Алекс, видимо, по интонации понял, что я оказываю сопротивление, взял мою руку, поднес к губам и поцеловал.

– Танюша, пожалуйста, – проговорил он на ломаном русском языке.

Ну не умела я отказывать красивым мужчинам, тем более

⁴ Нет, нет, нет.

что вспомнила про обещание присмотреться к заморскому гостю, которое накануне дала Ленке.

– Черт с вами! Пошли. – Я вышла из машины и первой вошла в подъезд.

В квартире началась обычная предзастольная суэта. Мы хлопотали на кухне. Алекс старался помогать, но только мешался под ногами. Наконец все уселись за стол. Алекс открыл шампанское, от которого я вежливо отказалась.

– Я за рулем, – напомнила я ему и сделала жест руками, будто сжимаю руль автомобиля.

После первого глотка шампанского Ленка осмелела и начала щебетать с Алексом. Я мало что понимала из их воркования, но, в общем, ситуация меня устраивала – она не мешала мне наблюдать за французом. Алекс вел себя непринужденно. Как и подобает влюбленному, говорил Ленке комплименты (это я поняла по тому, что подруга время от времени опускала глаза и щеки ее при этом слегка розовели), целовал ей ручки и оказывал всевозможные знаки внимания.

– Алекс, а почему вы решили жениться на русской? – задала я вопрос, закончив внешний осмотр.

Ленка возмущенно взглянула меня.

– Лена, переведи, – не обращая внимания на суровый взгляд, сказала я.

Поняв, что я буду стоять насмерть, подруга перевела.

– Французские женщины в своем стремлении получить равные права с мужчинами, – начал Алекс, – зашли так да-

леко, что они уже не хотят заводить нормальные семьи, рождать детей, готовить, вести хозяйство. Они предпочитают гостевой брак, при котором супруги живут отдельно и только время от времени навещают друг друга. Я же в силу своих привычек, воспитания и отчасти выбранной профессии предпочитаю традиционный брак, когда муж и жена живут под одной крышей, рожают детей, совместными усилиями выют свое родовое гнездо. Я с детства любил русскую литературу, поэтому мое твердое убеждение, что только в России остались еще женщины добрые и преданные, которые на первое место ставят семейные ценности, которые способны стать опорой своему мужу, и не кричат о равных правах каждый раз, когда им приходится мыть посуду.

– Да вы домостроевец какой-то! – воскликнула я. – Значит, удел женщины, по-вашему, – сидеть дома, делать то, что скажет муж, стирать, убирать, готовить, мыть посуду и не иметь права голоса в своем доме?

– Таня, ну как я ему объясню, кто такой домостроевец, – сделала большие глаза Ленка.

– Скажи ему, что он тиран или деспот. Эти слова, я думаю, он поймет.

Эти слова Алекс действительно понял и без перевода.

– Таня, вы преувеличиваете, – засмеялся он. – Я не тиран и не деспот, я и сам могу помыть посуду или постирать, тем более что все это делают машины. Но я хочу нормальную семью, в которой много детей, все друг о друге заботятся, а

не кричат по малейшему поводу о нарушении своих прав.

«Деспот, – подумала я, – но цивилизованный и, главное, красивый. Ленке к ведению хозяйства не привыкать, давно одна управляется. В детях она души не чает, еще парочку ему родит. В общем, делать мне здесь больше нечего, пора и честь знать».

Но откланяться мне опять не удалось. Алекс стал буквально засыпать меня вопросами: кто я по профессии (чтобы не напугать француза, я сказала, что работаю адвокатом), почему не замужем (беру пример с ваших соотечественниц), где живу, далеко ли это от Ленкиной квартиры. Неизвестно, чем бы все это закончилось, потому что Ленка, выпав из центра внимания Алекса, начала заметно нервничать, но у меня зазвонил телефон, и в трубке раздался взволнованный голос Андрея, с которым мы вместе учились в Академии права. «Таня, срочно приезжай! Случилось страшное». Я не успела даже рта раскрыть, как Андрей повесил трубку. Что бы там ни было, Андрей был моим другом, и надо было ехать. Наспех попрощавшись с Ленкой и Алексом, я вылетела на лестничную клетку. «Вот, оказывается, откуда следовало ждать предсказанных огорчений», – пронеслось у меня в голове.

Глава 4

Дверь мне открыл Андрей. «Сюрприз!» – весело прокричал он и, не дав мне опомниться, потащил на кухню. Там за столом, на котором в беспорядке стояли бутылки, банки консервов и множество свертков разного калибра, сидел еще один наш однокурсник – Олег. Сразу после окончания Академии права он уехал в Москву, где благодаря стараниям влиятельных родственников устроился в юридический отдел российско-британской фирмы, которая занималась разработкой цифровых технологий. Работа отнимала много времени, но Олег всегда находил время приехать на день-другой в Тарасов. Появлялся он всегда внезапно и друзей собирал по тревоге. «Чтобы было время отдохнуть», – любил цитировать он известного киногероя.

– Андрей, я тебя убью, – в шутку замахнувшись, сказала я.

– При чем тут я, это все наш московский гость, – оправдывался Андрей. – Ты же знаешь, с этой стихией справиться невозможно.

– Ребята, водка стынет, – перебил его Олег. – Танюша, нашему столу не хватает женской руки.

Спорить с Олегом было бесполезно. «Только время терять», – в оправдание самой себе сказала я и принялась разворачивать свертки. Когда стол был накрыт, Олег начал разливать виски.

– Олег, я за рулем, и потом ты же знаешь, я не пью.

– Танюша, ты меня обижаешь, – с улыбкой произнес он, доставая из закровов еще одну бутылку. – Rochester Dark Ginger – ни капли алкоголя, только отборный ямайский имбирь и чистейший тростниковый сахар. Вез из самого Лондона.

Когда напитки были разлиты, Олег поднял бокал и произнес первый традиционный тост: «Здравствуйте!». Я с удовольствием попробовала остро-сладкий напиток, который мне очень понравился. «Умеет Олежка угодить женщине», – подумала я. После третьего традиционного тоста «За любовь!» нахлынули воспоминания. Мы перебивали друг друга словами: «А помнишь...», смеялись и чувствовали себя вновь юными и беззаботными.

Около двенадцати я засобиралась домой.

– Мы тебя проводим, – чуть ли не хором сказали Олег и Андрей.

– Ага, чтобы я вас потом опять домой везла. Вы ж на ногах еле держитесь. Отдыхайте уж дальше. Только не забудьте, у Олега завтра самолет.

– Я никогда не пьянею, – вспомнил Олег слова еще одного известного киногероя.

– Вот завтра и проверим, – улыбнулась я.

Чмокнув ребят на прощание, я закрыла за собой дверь.

По дороге домой, перебирая события минувшего дня, я вдруг вспомнила о предсказании. Видимо, это тот уникаль-

ный случай, когда кости ошиблись.

Нет, не ошиблись. Выйдя из машины около своего дома и по привычке посмотрев на окна своей квартиры, я увидела в них свет. «Я же точно помню, что свет сегодня не зажигала. Утром, когда я проснулась, было уже светло. Ключи от квартиры я никому не давала. Значит, в квартире либо был, либо и сейчас находится кто-то посторонний». До сих пор я имела дело только с чужими неприятностями. По роду своей деятельности я вынуждена была заниматься распу- тыванием мелких и крупных преступлений, жертвы которых переживали и страдали, несли потери и зывали о помощи. А теперь, похоже, неприятность случилась со мной самой. В том, что это была неприятность, а не приятный сюрприз, я несколько не сомневалась. Кости не врут! И глупо было сомневаться в их правдивости.

Подхлестываемая этими мыслями, я влетела в подъезд и, не дожидаясь лифта, стала подниматься на свой седьмой этаж.

Дверь в квартиру оказалась запертой на ключ, видимых повреждений не было. Я вставила ключ в скважину и медленно его повернула. Дверь привычно открылась, и я вошла в квартиру. Свет горел только в большой комнате. Там за столом, на котором стояли открытая бутылка вина и два бокала, сидел Алекс. И, судя по всему, он был мертв.

«И у кого же поднялась рука на такую красоту? – совсем не к месту пронеслось у меня в голове. И как он оказался

в моей квартире?» – задала я себе вполне уместный в этой ситуации вопрос. Но ни на первый, ни на второй вопрос очевидного ответа не было. Следов чужого присутствия в квартире не наблюдалось. И если не считать бутылки и бокалов на столе, никаких изменений в привычном порядке вещей не было. Я приблизилась к Алексу и приложила пальцы к сонной артерии – пульсация отсутствовала. Ни ножевых, ни пулевых ранений на теле не было. Алекс выглядел словно человек, который устал от долгого ожидания и заснул за столом.

Ситуация казалась настолько нереальной, что я почувствовала себя актрисой, снимающейся в фильме о буднях доблестной полиции. Вот сейчас режиссер скажет: «Снято!», – и весь этот кошмар развеется: Алекс оживет, из кухни выскочит Ленка, и все встанет на свои места. Но режиссер молчал, Ленка не выскакивала, а Алекс по-прежнему сидел в позе статуи. Чтобы как-то прояснить происходящее, я взяла мобильный и позвонила Ленке. «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – проинформировал меня голос цифровой барышни. Стационарный телефон отозвался длинными гудками, но результат был тот же – подруга не отвечала. Когда я попадаю в трудную ситуацию или мне нужна помощь, я всегда обращаюсь к Владимиру Сергеевичу Кирьянову, или, как я ласково называю его, Кире, подполковнику полиции, моему верному другу, с которым мы раскрыли не одно преступление. Вот и сейчас я подумала о нем, но Киря был далеко, в Египте, где нежилась

на теплом песочке Хургады с женой и дочками.

Звонок в полицию я отмела сразу: все улики против меня, поэтому, пока будет идти следствие, ходить мне в главных подозреваемых, а еще хуже – сидеть. Такой вариант тоже выглядел вполне реальным. Алекс иностранец, а это значит, что органы подойдут к расследованию с полной ответственностью, да еще ребят из ФСБ подключат. Нет, действовать надо самостоятельно и как можно быстрее.

«Успокойся и представь, что это совершенно посторонний тебе человек, – приказала я себе. – И делай, как учили». А учили в академии начинать с осмотра места преступления. Я тщательно осмотрела входную дверь и дверь, ведущую на лоджию (хоть я и жила на седьмом этаже, но чем черт не шутит!) – никаких следов вскрытия на них не было. Следы на полу и отпечатки пальцев на дверных ручках и на ручках кухонного шкафа, из которого брали бокалы, тоже отсутствовали. Все вещи лежали ровно на тех местах, куда я их положила или поставила. Осмотр трупа тоже ничего интересного не дал. Никаких ссадин, синяков или других следов борьбы. Все выглядело так, будто Алекс открыл дверь ключом, сел на стул и умер. И только одна деталь говорила в пользу насильственной смерти – в карманах Алекса абсолютно ничего не было, если не считать носового платка. Ни паспорта, ни водительских прав, ни билета на самолет. Ничего.

«Итак, что мы имеем? – сев в кресло, спросила себя я. – Да ничего мы не имеем, кроме трупа, который неизвестно как

оказался у меня дома. И от которого надо как можно быстрее избавиться. Иначе мне вряд ли дадут найти того весельчака, который сыграл со мной такую злую шутку».

Чтобы как-то выиграть время, я решила отвезти труп Алекса в старый заброшенный парк на окраине Трубного района. Перспектива спустить бездыханное тело с седьмого этажа и погрузить его в машину меня не пугала. Это с виду я была хрупкой девушкой. Но на самом деле у меня черный пояс по карате и сотни часов изнуряющих тренировок, после которых мое тело превратилось в послушную машину, способную выполнять любую физическую работу.

Однако, перед тем как приступить к операции «Транспортировка», я внимательно осмотрела одежду Алекса, и результат этого осмотра мне не понравился. Рубашка-поло «Lacoste», джинсы «Levi's», туфли-лоферы «Zilli» – настоящий каталог модной брендовой одежды. Такой красавец в фирменной одежде для Трубного района слишком хорош. А надо, чтобы его внешний вид вызывал как можно меньше вопросов и не выбивался за рамки привычного и обыденного. «Рубашка и брюки еще сойдут – каких только лейблов сейчас не встретишь на товарах, которые продаются на базаре и в дешевых магазинах. А вот обувь хороша, видно, что не на коленке сделана. Прости, дорогой, но придется тебя разуть. Тебе уже все равно, а мне надо этот клубок распутать», – сказала я про себя и сняла с Алекса туфли. Потом взяла в шкафу старый плед и завернула в него тело.

Теперь оставалось самое сложное – вынести труп из квартиры. Я вышла на лоджию и посмотрела во двор – он был пуст. Неудивительно – час ночи. А вот свет в нескольких окнах еще горит. Придется подождать.

Ждать пришлось долго. Только около трех часов жильцы наконец уgomонились, и дом погрузился в темноту. Я взяла пакет с туфлями и вышла на лестничную клетку, спустилась пешком на первый этаж и выключила свет. Затем подогнала «девятку» к подъезду и поставила ее под самый козырек багажником к двери так, чтобы с верхних этажей не было видно, что я грузу в машину. Поднявшись в квартиру, я взвалила труп Алекса на спину. И сразу почувствовала, насколько восемьдесят килограммов неживого веса отличаются от того же количества живого. Но отступать было некуда, а главное – некогда. Я стала осторожно спускаться по лестнице, вспоминая, как таскала на закорках Андрея во время тренировок. Анатолий Павлович, наш тренер, никаких поблажек мне не делал. Он был твердо убежден, что «боец» – слово мужского рода, и гонял меня наравне с другими – до седьмого пота. Как выяснилось, прав был тренер – ох как пригодилась мне сегодня его наука!

Мысленно благодаря Анатолия Павловича, я погрузила тело в багажник и, не включая фар, выехала из двора. Через полчаса я была на окраине Трубного завода, где, выгрузив труп из машины, усадила его на парковую скамейку. На обратном пути я подъехала к пустынному месту на берегу Вол-

ги, завернула в плед пакет с туфлями и увесистый камень, завязала плед в узел и бросила его в воду.

Глава 5

Когда я вернулась домой, часы показывали четверть пятого. В тусклом свете зарождавшегося утра все произошедшее казалось наваждением или плохим сном, который развеется с первыми лучами восходящего солнца. Но стоявшие на столе бутылка с вином и бокалы упрямо возвращали к реальности и побуждали к действию. Я села на диван, сняла кроссовки и вдруг почувствовала, как устала. На ум пришла старая еврейская поговорка, которую к месту и не к месту любил повторять Андрей: «В любой непонятной ситуации ложись спать». Моя ситуация была не просто непонятной, а непостижимо непонятной. «Поэтому я с полным правом могу лечь спать. Хотя бы на пару часов», – сказала я вслух и, не раздеваясь, в чем была, легла на диван. Уснула я, кажется, еще до того, как моя голова коснулась подушки.

Ровно через два часа я проснулась. Голова была свежей, тело отдохнувшим. «Теперь душ, кофе и к Ленке», – наметила я себе план на ближайшие два часа. Но сначала аккуратно закупорила бутылку с вином и положила ее в полиэтиленовый мешок, в отдельный пакет отправились и бокалы со стола. В то, что на них могли остаться чьи-то отпечатки пальцев, кроме отпечатков Алекса, я не верила – уж очень безукоризненным выглядело это преступление. Но, привыкшая ничего не упускать из виду и отрабатывать любую самую ни-

чтожную улику, я тщательно упаковала вещдоки в надежде в самое ближайшее время отвезти их к знакомому эксперту.

Приняв душ и наспех выпив кофе, я позвонила Ленке. Оба телефона, и стационарный, и мобильный, по-прежнему не отвечали. Знак был тревожный. Подруга при всей своей взбалмошности никогда не отключала телефон и всегда брала трубку. Особенно сейчас, когда ее дети были у бабушки. Она панически боялась, что с детьми может что-нибудь случиться, поэтому в любое время дня и ночи оставалась на связи.

В голове у меня вдруг возникла картина, на которой среди смятых простыней на кровати лежала мертвая Ленка. «Стоп! – сказала я себе. – Без паники! Это только грипп передается воздушно-капельным путем. Если Алекс мертв, то это еще не значит, что и Ленки нет в живых. Просто у нее очередная бытовая катастрофа. Мобильный телефон упал в унитаз, а кабель стационарного перегрызли мыши». Все это я продолжала говорить себе, уже спускаясь по лестнице.

Был час пик, на улицах было полно машин, но, к счастью, в это время все они двигались из Трубного в центр. Через 20 минут я уже стояла перед Ленкиной дверью и жала на звонок. Никто не открывал. Картина со смятыми простынями и бездыханным телом вновь нарисовалась в моей голове, и я что есть силы начала барабанить в дверь кулаками. «Ленка, открой! Имей совесть! – кричала я. – Я сейчас выломаю дверь! Ты меня знаешь». Насчет того, чтобы выломать дверь,

я, конечно, погорячилась. Дверь у Ленки стояла железная, крутой тарасовской фирмы, с двумя замками и задвижкой. Эту дверь ей поставили родители учеников, когда три года назад в ее квартиру залезли воры и вынесли все, вплоть до новых зимних сапог, на которые она полгода копила деньги.

Я повернулась спиной к двери и стала бить в нее ногами, не переставая звать к Ленкиной совести. То, что подруги могло не быть дома, мне даже не приходило в голову. И, видимо, правильно. После десятиминутного концерта для двери ключ в замке повернулся и на пороге появилась зареванная хозяйка квартиры.

– Чего пришла? – зло спросила она.

– Ленка, с тобой все в порядке? – не обращая внимания на тон подруги, задала встречный вопрос я.

– Ты еще спрашиваешь!

– Да что случилось?!

– Это я у тебя должна спросить, что случилось.

Понимая, что так я от нее ничего не добьюсь, я затолкала подругу в квартиру и следом вошла сама. Там я усадила ее в кресло, пошла на кухню, вскипятила чайник и заварила крепкий чай. «Пей!» – сказала я Ленке, протягивая ей чашку. Ленка сделала первый глоток и разревелась. Ревела она долго и упоительно. Когда же слезы иссякли и подруга вновь обрела способность к членораздельной речи, я заставила ее рассказать, что же все-таки произошло вчера.

А произошло следующее. После того как я ушла, Алекс и

Ленка какое-то время посидели за столом. Потом Алекс помог Ленке убрать посуду, и они по русскому обычаю устроились на кухне за чашкой чая. Мило беседовали, вспоминая подробности их знакомства. Алекс расспрашивал Ленку о ее детях, попросил показать их фотографии, и еще какое-то время они рассматривали семейный альбом. Постепенно разговор перешел на Ленкиных подруг, и Ленка с упоением стала рассказывать Алексу обо мне, потому что ближе подруги у нее не было. Ленкино упоение, видимо, передалось и Алексу, потому что он с неменьшим энтузиазмом стал задавать вопросы: давно ли мы дружим? Кто мои родители? Где я живу? Далеко ли это от Ленкиного дома? Замужем ли я? Есть ли у меня бойфренд? И т. д. и т. п. Ленка сначала охотно отвечала на вопросы Алекса, а потом ей показалось подозрительным, что он так подробно расспрашивает ее обо мне. Она в душе всегда считала, что я лучше ее во всех отношениях. Но никогда не завидовала, принимая превосходство подруги как данность. Всегда радовалась моим успехам и откровенно огорчалась, когда у меня что-то не получалось. Но интерес, который проявлял Алекс ко мне, почему-то задел Ленку, и она обиделась. Причем обиделась так непосредственно и по-детски, что Алекс рассмеялся, обнял ее и поцеловал. Обида растаяла, и вместе с ней растаяли последние здоровые мысли в Ленкиной голове.

Целоваться в кухне, сидя на маленьких табуретках, было неудобно, поэтому Алекс и Ленка перебрались сначала

на диван в гостиной, а потом как-то незаметно оказались в спальне. Готовясь к встрече с Алексом, подруга допускала мысль о том, что постельной сцены не избежать. И она тщательно режиссировала ее, чтобы выглядеть в ней обольстительной и целомудренной одновременно. Почему-то именно такое сочетание казалось ей наиболее выигрышным. И то, что мать двоих детей вряд ли может сохранить свою целомудренность, ничуть ее не смущало. В тот вечер Ленкина режиссура с треском провалилась. Каждая ее клеточка отвечала на ласки Алекса, и во всем ее теле не нашлось и капли целомудрия, которое по изначальному замыслу режиссера должно было запустить в партнере инстинкт охотника. В качестве партнера Алекс был гениален. Поверженный режиссер в Ленкином лице мысленно аплодировал ему и кричал «Браво!». Но недолго, потому что утомленная и обессиленная подруга вскоре заснула.

Проснулась она от звука захлопнувшейся двери. Алекса рядом не было. Ленка вскочила с кровати и обошла всю квартиру. Пусто. Тогда она быстро оделась и выбежала на улицу. Алекс стоял у обочины и ловил машину. Не успела Ленка подбежать к нему, как перед Алексом остановился синий «Рено Логан» и увез его по направлению к центру города. Ленка выскочила на проезжую часть и чуть не попала под колеса старенькой «семерки». «Умоляю! Вопрос жизни и смерти! – крикнула она опешившему водителю. – Вон за той синей машиной!» Видимо, водитель решил, что имеет

дело с сумасшедшей, которой лучше не перечить, молча открыл дверь и, когда Ленка оказалась в салоне, ринулся в погоню.

Когда синяя машина свернула на Ленинградскую улицу, подруга догадалась, куда направлялся Алекс. И эта догадка болью отозвалась в ее сердце. Подъехав к дому под номером 50, машина остановилась, из нее вышел Алекс и направился в подъезд, где находилась моя квартира. Ленке хотелось догнать его, остановить, пока не случилось непоправимое. Но вместо этого она села на скамейку у подъезда и заплакала. Сколько она просидела на этой скамейке, Ленка не помнила. Очнувшись, она посмотрела на окна моей квартиры, в них горел свет. Вскоре свет погас. «Ну, вот и все!» – с отчаянием подумала она и пошла к дороге ловить машину, чтобы вернуться домой. Потрясенная вероломством подруги и Алекса, Ленка отключила телефон и проревела всю ночь.

– Ленка, ты дура! – подытожила я горестный рассказ подруги.

– Конечно, была бы умная, поднялась бы к тебе в квартиру и устроила бы вам последний день Помпеи.

Я с ужасом подумала о том, что было бы, если бы Ленка действительно вломила ко мне домой этой злополучной ночью.

– Лена, успокойся. Все гораздо хуже, чем ты думаешь.

– Алекс сделал тебе предложение и завтра вы летите в Париж?

– Алекс мертв.

– Боливар не выдержал двоих? – на автопилоте продолжала ехидничать подруга.

– Лена, когда вчера я вернулась домой, там был Алекс. И он был мертв.

Смысл моих слов наконец стал доходить до нее, и ее глаза опять начали наполняться слезами.

– Не реви! – прикрикнула я на подругу и, не вдаваясь в подробности, рассказала ей о событиях минувшей ночи.

– Таня, нас посадят, – обреченно произнесла Ленка. – А как же дети?

– Никто нас не посадит. И с детьми твоими все будет в порядке. Ты сейчас же собери вещи и езжай к ним в Рябиновку. Мне без тебя спокойнее будет. Поняла?

– Поняла. Таня, прости меня.

– Уже.

Через час я отвезла Ленку на автовокзал и посадила в автобус.

Глава 6

Сев в машину, я вдруг вспомнила, что сегодня мне должны были наконец-то привезти долгожданный диван-гиневан и увезти бурое чудовище, нагло оккупировавшее мою гостиную. «Значит, едем домой, – сказала я своей «девятке». – И займемся опросом соседей. Может быть, нам повезет и кто-нибудь что-нибудь вспомнит». «Девятке», видимо, эта перспектива очень понравилась, она радостно завелась и резво рванула с места.

Войдя в подъезд, я буквально нос к носу столкнулась с Мишей, сыном Анастасии Федоровны.

– Привет! – поздоровался со мной он.

– Привет! Миша, ты не знаешь, кто мне всю дверь разрисовал? – начала импровизировать я.

– Когда?

– Вчера. Возвращаюсь я домой, а у меня во всю дверь сообщение «Спартак – чемпион!». Еле оттерла, полночи возилась. Вот найти бы этих художников да уши им оборвать!

– Вот придурки! Если бы я их увидел, я бы сам им уши оборвал. Но вчера вроде все тихо было. Как обычно.

– Ты, наверное, свой футбол смотрел.

– Не было вчера никакого футбола. Да и мама дома была. А она, ты сама знаешь, при малейшем шуме на лестничную клетку выскакивает.

– Ну, ладно, будем искать. Пока, – попрощалась я с Михаилом.

Разговор с соседом сильно меня разочаровал. По части информации на мать и сына Гавриловых я возлагала большие надежды, поскольку Анастасия Федоровна являлась, как раньше говорили, активной общественницей и всегда была в курсе событий, происходящих в доме. Михаил же, классный программист, работал дистанционно в какой-то московской фирме, поэтому почти всегда находился дома. Вставал поздно и ложился поздно. И вполне мог слышать то, что происходило либо на лестничной клетке, либо в моей квартире.

«Ну, что ж, отрицательный результат – тоже результат, – попыталась я утешить себя избитой истиной. – Вот только пользы от него никакой».

Теперь надо было придумать предлог, чтобы заглянуть к Терентьевым, мужу и жене, которые переехали к нам в дом всего несколько месяцев назад, но уже успели стать незамеченными для половины жильцов подъезда. Галина Ивановна, приветливая и домовитая, быстро нашла общий язык с новыми соседями: делилась с ними рецептами домашних пирогов и житейской мудростью, помогала, чем могла, и никогда ни о ком не говорила плохо. Все знали, что Галина Ивановна работает в аптеке, поэтому при любом недомогании обращались к ней за советом или за лекарством, не дожидаясь приезда «Скорой помощи» или прихода врача из поли-

клиники. Геннадий Николаевич Терентьев был менее общительным, но таким же приветливым, к тому же мастером на все руки. Неизвестно, кем он был по профессии, но починить умел все: от компьютера и мобильного телефона до перегоревшего утюга и старых бабушкиных ходиков. Геннадий Николаевич на службу не ходил, и поскольку на свободно-го художника он походил мало, все решили, что он был либо бывшим военным, либо проработал положенное время на вредном производстве и теперь получал хорошую пенсию.

Я порылась в шкафу и достала красную сумку, которую когда-то давно купила себе с первого гонорара. Сумка была известной фирмы и стоила бешеных денег. Но со временем что-то случилось с замком, и она перестала закрываться. Выбрасывать сумку было жалко, а отнести в ремонт как-то не получалось. «Какая я умница, – похвалила я себя. – Заодно и сумку починю».

Сумку Геннадий Николаевич починил в два счета, а вот что касается основной цели визита, то здесь меня ждало очередное разочарование. Весь вчерашний вечер Геннадий Николаевич провел перед телевизором, внимательно наблюдая за перипетиями очередного этапа «Формулы-1», поэтому ничего определенного по поводу моей «изрисованной» двери сказать не мог – ничего не видел, ничего не слышал. У Галины Ивановны же разболелась голова, и она рано легла спать.

Последняя надежда оставалась на Ирину Александровну,

пожилую даму неопределенного возраста, квартира которой находилась через стену от моей. Жила Ирина Александровна одиноко и замкнуто. Три ее комнаты были обставлены красивой антикварной мебелью, на стенах висели картины в золоченых рамах, и повсюду – прелестные безделушки, скорее напоминавшие произведения искусства. Про ее прошлое никто ничего не знал, но все, кто хотя бы мельком был знаком с Ириной Александровной, полагали, что в нем таилась некая загадка, которую моя соседка тщательно скрывала. Я же ничего загадочного в Ирине Александровне не видела. Повезло старушке. Богатый папенька или муж-коллекционер позаботились о том, чтобы у нее была безбедная старость. Вот и живет она в свое удовольствие. Не высовываясь. И правильно делает.

Хотя один раз Ирина Александровна все-таки «высунулась». Это было год назад. Возвращаясь как-то вечером домой, я увидела, как из ее квартиры грузчики выносили коробки и ящики. Первое, что пришло на ум, – соседка переезжает. Однако через три дня я встретила Ирину Александровну, которая как ни в чем не бывало выходила из своей квартиры. Она, как всегда, была при полном параде, хотя правильнее было бы сказать при полном параде в честь юбилея английской королевы. Я в очередной раз изумилась умению пожилой дамы выглядеть в свои сто лет – по моему твердому убеждению после пятидесяти женщине сразу стучит сто, и жизнь на этом заканчивается, – на тысячу долла-

ров. Ирина Александровна, явно довольная произведенным эффектом, поздоровалась со мной и прошествовала мимо, загадочно улыбаясь.

Причина парадного выхода Ирины Александровны открылась вечером, когда я, сидя на кухне с чашкой своего любимого гватемальского кофе, шелкала каналы телевизора в поисках передачи или фильма, где бы не стреляли, не дрались и решали проблемы без привлечения бандитских крыш и правоохранительных органов. Задача была почти невыполнимая, поэтому я, заглянув на местный канал, чтобы узнать прогноз погоды на завтра, собиралась выключить телевизор. И тут мое внимание привлекла картинка на экране: Ирина Александровна с большим букетом цветов в компании с директором городского художественного музея. Сюжет подходил к концу, но я успела понять, что моя соседка подарила музею собрание картин из своей личной коллекции. На другой день это событие обсуждали все жители подъезда, но сама Ирина Александровна никаких комментариев не давала и хранила гордое молчание.

Дверь соседка открыла сразу. Несмотря на то что было еще утро, пусть и позднее, она была при полном макияже, тщательно причесана, одета в светлые брюки и красивую бежевую блузку навыпуск. Картину дополняли нитка жемчуга на шее и безукоризненный маникюр.

– Здравствуйте, Ирина Александровна!

– Здравствуйте, деточка! Чем обязана?

В третий раз я принялась рассказывать горестную историю о своей разрисованной двери.

– Помилуйте, при чем же тут я? – удивилась соседка.

– Ирина Александровна, может быть, вы видели кого-то вчера в подъезде? Или слышали шум какой-нибудь? Уж очень хочется найти этих недорослей и сообщить родителям об их художествах.

– Боюсь, деточка, я ничем не могу быть вам полезна. Вчера я была в опере, вернулась поздно. В подъезде никого не видела. И немудрено. Кто-то погасил свет, и из лифта до квартиры я добиралась на ощупь.

– Ирина Александровна, а у подъезда вы никого не встретили? Я подозреваю, что над моей дверью компания из соседнего дома потрудилась. Они частенько на лавочке у нашего подъезда собираются. Я пару раз им замечание сделала – очень они шумели.

– Нет, никакой компании на лавочке не наблюдалось, а вот барышня на лавочке сидела. Хотя вряд ли ей было дело до вашей двери. У нее, похоже, у самой были серьезные проблемы. Мне показалось, что лицо у нее было заплаканное.

«Ленка», – подумала я, а вслух сказала:

– И то верно. Тем более что фанаток «Спартака» среди, как вы говорите, барышень единицы.

В дверь позвонили. Ирина Александровна извинилась и пошла открывать. Это оказалась Галина Ивановна. В руках у нее был пакет с продуктами.

– Ирина Александровна, все, как вы просили: творожок, кефирчик, огурчики, помидорчики, зелень.

Увидев меня, Галина Ивановна всплеснула руками:

– Танюша, какое безобразие! Мне Гена все рассказал. Вы так ничего и не выяснили?

– Нет, пока нет. Но я обязательно доберусь до этих хулиганов.

«И до тех, других, тоже доберусь», – добавила я про себя.

– Не буду вам мешать, – я поспешила откланяться, не желая продолжать разговор на эту тему.

И вовремя, потому что не успела я оказаться в своей квартире, как зазвонил мобильный, и ставший уже знакомым голос менеджера мебельного магазина радостно сообщил, что мне везут диван.

На этот раз все прошло без сучка и без задоринки, бурое чудище вынесли, и белый диван-гиневан наконец-то занял свое законное место.

«Жизнь потихоньку налаживается, – говорила я себе, развалившись на мягких подушках гиневана. – И прожить ее надо так... Да просто надо ее прожить. И умереть своей смертью в сто лет. А не так, как Алекс, – в самом расцвете. Поэтому думай, Танюха, думай. Итак, Алекс. В Тарасов он приехал явно не к Ленке, и планы у него были далеко не матримониальные. Какой же мужик сбежит в первую ночь от женщины, на которой собирается жениться? Да еще так поспешно, без объяснения и без благовидного предложения. Значит, Алек-

су надо было попасть в Тарасов, но окольными путями, чтобы кого-то не спугнуть или что-то разведать, не вызывая подозрения, на вполне легальном основании. Ленка с ее легкомыслием и бесшабашностью была для этого идеальным вариантом. А жаль, красивая могла бы получиться пара! Стоп! Не отвлекаться! Генеральная линия у нас не любовная. Генеральная линия у нас – выяснить, к кому на самом деле приехал Алекс в Тарасов. А приехал он к кому-то, кто живет в моем доме, более того, в моем подъезде. Вот почему он так восторжен, когда я назвала свой адрес в разговоре с менеджером. И по той же самой причине он начал расспрашивать Ленку обо мне. Видимо, теми же окольными путями хотел выудить у нее какую-то информацию. А может, он ко мне приехал? Да нет! Размечталась! Алекс, хоть и сказочно красив, совсем не похож на принца на белом коне, который явился, чтобы поцелуем разбудить спящую красавицу, которую никогда в жизни не видел, но точный адрес, куда надо ехать, знал. Да еще по пути мертвую царевну поцеловал для верности эксперимента. Нет, не любовная у нас история, не любовная. Поэтому никаких красавиц, принцесс и царевен. Есть некто, кто живет в моем подъезде и кого Алекс хотел застать врасплох. Иначе зачем же он отправился к нему на ночь глядя? А может быть, у него с этим некто была договоренность? Вряд ли. Если Алекс мог открыто явиться к этому некто, зачем же тогда забор городить с женитьбой, брачным агентством и прочими заморочками? Но что-то у Алек-

са пошло не так. Что? И при чем тут я? А то, что и меня этот некто захотел втянуть в эту историю, ежику понятно. Только где тот понятливый ежик, который растолковал бы мне смысл немой сцены у меня в квартире».

Поскольку ежик, видимо, затерялся в тумане и разгадок на тарелочке с голубой каемочкой не предвиделось, я решила получить подсказку старым, не раз испытанным способом. Я взяла с полки мешочек и бросила кости. «34+9+18» – вы вспомните о том, что у вас есть старый верный друг, способный поддержать вас и даже преподнести сюрприз.

Я знала только одного старого и верного друга, который мог бы мне сейчас помочь, но Кирьянов был далеко, и беспокоить его прекрасное далеко мне не хотелось. Я вздохнула и потянулась к банке с кофе. «Гарик! – воскликнула я, как только банка оказалась у меня в руках. – До старого и верного друга он слегка не дотягивает, но и милый друг может на что-нибудь сгодиться».

Глава 7

Наутро, наведя неземную красоту – Гарика надо было убить сразу и наповал, я отправилась в отделение полиции, находящееся в центре Трубного района, где тянул лямку честный мент Гарик Папазян (душа Гарика не принимала слова «полицейский», а уж тем более входившего в обиход «понта»).

Когда он увидел меня в маленьком – ну, очень маленьком – белом платье на бретельках, в золотых босоножках на высоченных каблуках и с распущенными волосами, в груди Гарика забили барабаны ярхушты, и он встал в стойку.

– Танюша-джан, какими судьбами?

– Помощь мне нужна, Гарик, – взяла я быка за рога.

– Тебя кто-то обидел? Ты только скажи – я его из-под земли достану, шашлык из него сделаю и собакам скормлю.

– Со мной, Гарик, слава богу, все в порядке, а вот у подруги моей беда.

– У Ленки, что ли?

– Что ты! Ленка сидит у матери в Рябиновке, пьет молоко и хорошеет на глазах. Гарик, есть у меня еще одна подруга, Аня. Ты ее не знаешь. Она после академии в Питер укатила, а год назад вернулась. На работу устроилась, парня себе хорошего нашла, замуж за него собирается. Только дня четыре назад пропал ее кавалер. Аня в полицию обратилась, а там

говорят, что заявление о розыске могут только родственники подать. А где те родственники. У него мать одна, и та в Мурманске живет. Анька все больницы обзвонила: ни живого, ни мертвого.

– Так сбежал, наверное, кавалер твоей подруги. Сама говоришь, что дело у них к свадьбе шло, вот парень и струхнул.

– Вот и я Ане говорю: ты погоди расстраиваться и горячку пороть, найдется твой Ромео. А она ничего слушать не хочет. Честно говоря, не похож Олежка на мерзавца. Видела я их вместе пару раз. Очень серьезный молодой человек.

– Так что ты, Танюша-джан, от меня хочешь?

– Гарик, солнце мое, посмотри сводки по городу за последние четыре дня. Может, что-то и прояснится.

– А что мне за это будет?

– Все, чего пожелаешь, дорогой. Очень мне Аньке помочь хочется. Мне почему-то кажется, что жив ее Олежка и скоро объявится. Но все-таки хочется быть уверенной.

– Значит, говоришь: все, чего пожелаю?

– В пределах разумного, конечно. Канкан на мосту в три часа ночи я танцевать не буду, и не надейся.

– Танюша-джан, канкан я тебе и сам станцую. Обещай, что придешь ко мне в гости.

Я многое бы отдала, чтобы увидеть Гарика, танцующего канкан, но только не то, чего он жаждал от меня получить.

– Хорошо, я согласна. В гости так в гости. Неси сводку.

– Лечу, радость моя.

Как ни странно, 90 килограммов Гарика действительно выпорхнули из кабинета и через пять минут впорхнули обратно.

Мы с приятелем склонились над листками сводки.

– Убийство в пьяной драке. Убитый – мужчина лет сорока, – начал читать Гарик. – Две машины столкнулись на перекрестке улиц Рабочей и Урожайной. Погибли водитель и женщина-пассажир. В районе Нового порта выловлен утопленник. Пожилой мужчина лет семидесяти. В парке Трубно-го района найден труп мужчины. Не он?

«Он», – чуть было не вырвалось у меня.

– Нет, – спохватившись, сказала я, – Олежка хоть и хорош собой, но до этого красавца ему далеко. А этого, похоже, подружки не поделили. Или чей-то ревнивый муж постарался.

– Все может быть, хотя из медицинского заключения следует, что смерть наступила в результате сердечного приступа. Ох, чувствую, глухарем пахнет этот красавчик. В розыск его никто не объявлял. Местная шпана, видать, постаралась – не только из карманов все выгребли, но даже ботинки сняли.

– Гарик, мне кажется, ты слишком увлекся этим красавчиком. А у меня Анька места себе не находит.

Просмотрев сводку до конца и не обнаружив в ней ничего, касающегося парня подружки (что неудивительно), я стала прощаться с Гариком.

– Танюша-джан, а когда тебя в гости ждать? Ты обещала!

– Гарик, ты же мне Олежку так и не нашел, поэтому и договор наш будем считать недействительным. Пока.

И, послав ему воздушный поцелуй, я скрылась за дверью. «Значит, сердечный приступ. Я бы в эту сказочку поверила, если бы Алекс умер где-нибудь в другом месте, а не у меня в квартире, – рассуждала я, сидя за рулем «девятки» и направляясь к себе домой. – А что, Таня, не навестить ли тебе славный город Париж? И не попытаться ли распутать клубок с другой стороны?»

Глава 8

Когда я подъехала к своему дому, мысль о поездке в Париж из изначально бредовой превратилась в вполне осознанную необходимость. Чтобы распутать этот клубок, надо дернуть за другую ниточку. Та ниточка, которая была у меня в руках, только запутывала дело. Ждать, когда честный мент Гарик Папазян и его доблестные коллеги доберутся до разгадки смерти красавца-француза, бессмысленно. Скорее всего, чтобы не плодить глухарей, они примут ту версию, которая лежит на поверхности, – сердечный приступ. Оказывать помощь следствию я не собиралась. Это было мое дело. Мне самой надо было найти убийцу. И не только потому, что он поднял руку на потенциального мужа моей подруги, но и потому, что этот нахал посмел втянуть меня в эту мерзкую историю. Я ощущала себя графом Монте-Кристо, вынашивающим план мести. «Тем более надо ехать в Париж, – подвела я итог своим рассуждениям, выходя из машины во дворе своего дома, – но сначала мне надо поговорить с Ленкой».

Ехать в Рябиновку не хотелось, поэтому я решила обойтись телефонным разговором. Подруга трубку взяла сразу, как будто целый день сидела у аппарата в ожидании новостей.

– Лена, ты должна сосредоточиться и вспомнить все, что ты знаешь об Алексе, – я сразу же попыталась настроить ее

на деловой лад.

– Хорошо, Таня, я поняла. Зовут его Алекс, фамилия – Миро.

– Ленка, не тупи. Как его зовут, я и так знаю. Давай так, я тебе скажу, что я уже о нем знаю, а ты добавишь то, чего я не знаю. Договорились?

И не дожидаясь Ленкиного ответа, я приступила к изложению фактов.

– Итак, Алекс Миро, тридцать четыре года, холост и никогда не был женат, учитель истории в лицее Людовика Великого, живет в Париже. У него есть мать, которая проживает в Провансе в городке Кассис. Правильно?

– Правильно.

– А теперь постарайся вспомнить подробности. Говорил ли Алекс что-нибудь про родственников: отец, брат, сестра, про друзей? Где он конкретно живет в Париже? Был ли он когда-нибудь в России? Есть ли у него здесь друзья, знакомые, родственники?

– Что касается родственников, то мы говорили только об отце. Он умер очень давно, когда Алекс был еще совсем ребенком. Алекс его не помнит. Не помнил, – поправила себя подруга и заплакала.

– Ленка, реветь не время. Возьми себя в руки и продолжай. Алекс называл какие-нибудь имена?

– Нет, не помню. Хотя... Однажды он упоминал кого-то из своих коллег.

– Ты не помнишь, как зовут этого коллегу?

– То ли Жан, то ли Жак. Но я могу посмотреть в почте.

Я тебе перезвоню.

Через какое-то время Ленка радостно сообщила:

– Таня, нашла. Слушай: «Прости меня за вчерашнее молчание, у коллеги Жана Леблана был день рождения. После работы он пригласил всех в кафе, где мы засиделись».

– Лена, а говорил ли Алекс что-нибудь про своих знакомых в России?

– Никогда.

– Что ж, не густо. А теперь слушай внимательно: на днях я лечу в Париж.

– В Париж?! – в трубке раздался грохот.

– Ленка, ты что? С дуба рухнула?

– Таня, что ты будешь делать в Париже? Ведь ты же французского языка не знаешь!

– По-английски говорить буду. Французы – не мы. Они языки знают.

– Они-то знают. А вот твои десять фраз на английском тебе вряд ли помогут.

Что правда, то правда. Не было у меня способностей к языкам. Зато были кураж и здоровое нахальство. На них-то я и делала ставку. Ведь сдавала же я английский в академии два раза в год. И не всегда на «удовлетворительно».

– Как-нибудь выкручусь. Не впервой, – заверила я подругу. – Ленка, ты только сиди тихо в своей Рябиновке и не вы-

совывайся. Приеду – позвоню.

Утро следующего дня выдалось хмурым и дождливым. Сетую на то, что рейс на Москву могут задержать, я сидела в пустынном аэропорту Тарасова, где немногочисленные пассажиры, вылетающие московским рейсом, казались единственными выжившими на земле людьми после взрыва нейтронной бомбы. Моя деятельная натура не выносила длительных ожиданий и требовала принятия каких-либо мер.

– Волнуетесь? – услышала я мужской голос, явно обращенный ко мне.

– С чего вы взяли? – вопросом на вопрос резко ответила я и повернулась к говорящему.

– Ого! – невольно вскрикнула я, когда увидела рядом с собой красу и гордость всего Тарасова – журналиста-международника Анатолия Аверьянова. В свое время он окончил французскую школу, университет и на протяжении последних нескольких лет работал в Париже, регулярно мелькая на центральных каналах телевидения, приводя в восторг своих бывших одноклассников, однокурсников и многочисленных знакомых.

– Простите, мне показалось, что вы нервничаете. Вы в первый раз летите на самолете? – Журналист давно привык к тому, что в родном городе его считали звездой первой величины, поэтому оставил без внимания мой возглас.

– В первый, – соврала я, моментально оценив выгоду от знакомства с Аверьяновым – передо мной стоял тот самый

авось, на который я надеялась, отправляясь в страну, где люди разговаривали на непонятном для меня языке.

– Я знаю один старый испытанный способ, который вам поможет.

– Боюсь, что он мне не поможет. Я не пью.

Анатолий рассмеялся:

– Впервые вижу такую догадливую девушку. Только вы ошибаетесь. В этой фляжке не коньяк, а лекарство, хотя и называется оно «Samus». Французы рекомендуют принимать его в стрессовых ситуациях.

– Может, они еще и рецепт на него выписывают?

– Да. Этот рецепт называется «Правило трех «С»: café, cognac, cigarette.

– Это просто озверин какой-то!

– Именно.

И Анатолий увлек меня в небольшое кафе, где мы сначала выпили по чашечке кофе, затем по рюмке коньяка. От сигареты я отказалась. Но даже в таком усеченном виде лечение явно пошло мне на пользу.

Глава 9

Я была уверена, что везение, как и беда, не приходит один раз, а продолжается вереницей чудесных событий. Вот и на этот раз, встретив Анатолия, прекрасно говорящего на французском языке, живущего во Франции и ко всему прочему обладающего приятной внешностью и манерами, я ничуть не удивилась, когда выяснилось, что наши места в самолете оказались рядом. Но на этом везение не кончилось. Анатолий летел из Москвы в Париж тем же рейсом, что и я.

Чтобы наверняка утвердиться в своем везении, я решила провести небольшое расследование.

– Анатолий, а почему в аэропорту вы именно мне решили оказать первую помощь, хотя было же очевидно, что я в ней не нуждаюсь? – начала я.

– Стройные блондинки со спортивной фигурой – моя слабость. А оригинальный повод для знакомства – это девяносто процентов успеха.

– И часто вы им пользуетесь?

– Сегодня впервые. – Анатолий смотрел на меня такими честными глазами, что я не выдержала и рассмеялась.

– А моя слабость – мужчины с хорошим чувством юмора.

– Вот и славно, – обрадовался Анатолий. – Я был уверен, что мы с вами подружимся.

– Надолго ли? – приступила я к сбору агентурных данных.

– Смотри в чем это долго измерять: в мартышках, в попу-
гаях или в слонах?

– Обойдемся без экзотики. Дни вполне подойдут. – Я хо-
тела получить конкретный ответ на неконкретный вопрос.

– В таком случае у нас будет достаточно времени, чтобы
наша дружба переросла в нечто большее. – Он явно дура-
чился.

– Так мы что, даже чаю не успеем попить? – приняла я
его игру.

– И чаю, и кофе, а если повезет, то и бокал шампанского.
Потому что до пятницы я абсолютно свободен.

Пятница была завтра. Это меня несколько озадачило.
«Иванова, не тупи! – проворчал мой внутренний голос. – Ты
что, книжку про Винни-Пуха не читала?»

– Значит, дней десять-двенадцать? – настаивала я на точ-
ном ответе.

– Десять. Именно столько дней мне осталось до конца от-
пуска.

Замечательно! Мужчина в отпуске, судя по его репорта-
жам из горячих точек, не робкого десятка и явно рассчиты-
ывает на романтическое приключение. Мне действительно
окончательно и бесповоротно везло.

После недолгого размышления я отказалась от мысли ис-
пользовать своего нового знакомого вслепую – то, что я буду
его использовать, даже не ставилось под сомнение, – и рас-
сказала Анатолию все, слегка изменив конец истории. В но-

вой версии Алекс не умер, а бесследно исчез. И я, как настоящая подруга, еду в Париж, чтобы отыскать беглеца и вернуть его безутешной невесте.

– Таня, вы героическая девушка, – выслушав мой рассказ, сказал Анатолий.

– Героиней вы меня попытались сделать с помощью своего лекарства. На самом деле я обычная, и мне нужна помощь, – взяла быка за рога я.

– Считайте, что она у вас есть, – ничуть не колеблясь, отозвался журналист.

Париж встретил нас проливным дождем, который не прекращался ни на минуту, пока мы добирались из аэропорта в город. Анатолий предложил мне остановиться в его служебной квартире, которая находилась в самом центре Парижа, рядом с Триумфальной аркой. Но я решительно воспротивилась этому предложению, хотя определенное удобство в этом и было. Во-первых, я хотела сохранить независимость на тот случай, если всплывут истинные обстоятельства дела, а во-вторых, Анатолий начинал мне нравиться все больше и больше, и я боялась, что слишком бурно развивающийся роман может помешать расследованию. Желание найти убийцу Алекса и отомстить ему по полной программе оказалось сильнее желания лечь с журналистом в постель и пережить в Париже, в этом городе влюбленных, незабываемое романтическое приключение. Поэтому я настояла на том, чтобы

Анатолий отвез меня в небольшой отель за Периферик⁵, где Ленка забронировала мне номер.

– Таня, может быть, вы передумаете, – сказал на прощание Анатолий.

– Может быть, но не сегодня, – тоном, не оставляющим никаких сомнений, ответила я. – До завтра.

«Какая же я дура», – подумала я, оказавшись в неуютном номере гостиницы, состоящем сплошь из одних углов. Но долго горевать о том, что уже прошло, я не умею, поэтому, приняв душ, устроилась на широкой кровати, поставила перед собой поднос с ужином, включила телевизор и под непонятное стрекотание французской речи принялась поглощать холодную отбивную, запивая ее красным вином. Мясо и вино сделали свое дело, и я ощутила потребность в немедленных действиях. Но часы показывали полночь, поэтому все откладывались до утра, а вот наметить план было самое время.

Итак, где мы можем что-нибудь узнать об Алексе? Во-первых, это брачное агентство «Alliance», а во-вторых, лицей Людовика Великого, где среди его коллег имеется некий Жан Леблан, у которого в прошлом месяце был день рождения. Если расширить границы, то где-то на юге в городке Кассис на берегу Средиземного моря живет матушка Алекса. Ну, к матушке мы отправимся только в том случае, если ничего не сможем найти здесь, в Париже. Кто знает, в каком она воз-

⁵ Парижская окружная дорога.

расте и какое у нее здоровье. Нет, старушку мы оставим на самый крайний случай. А вот с Жаном Лебланом или с кем-нибудь из его коллег поговорить надо в первую очередь. Надо же, в конце концов, выяснить, что за дела были у Алекса в далеком русском городе Тарасове и почему ему не сиделось в славном городе Париже.

Звонок раздался ровно в 8.00. Как договаривались. Спросонья я не сразу нашла свой телефон, но он терпеливо звонил, пока я не сообразила, что со вчерашнего вечера он так и лежал в моей сумке.

– Через полчаса я жду вас в кафе справа от отеля. Не опаздывайте, а то кофе остынет, – услышала я в телефоне голос Анатолия.

Полчаса на утренний туалет в походных условиях – это нормально. Поэтому в кафе я оказалась ровно в половине девятого при полном параде: кроссовки, джинсы, ветровка, волосы забраны под бейсболку. Анатолий тоже времени зря не терял – на столе стояли две большие чашки кофе, поджаристые круассаны и мандариновый джем.

– Мммм, – чуть не промурлыкала я, садясь за стол и вдыхая запах кофе. – Вы маг и волшебник!

– Таня, у меня к вам первое деловое предложение.

– О делах позже. Ну, пожалуйста! – начала я канючить. Мне так хотелось насладиться этим утром, вкусным кофе и такими аппетитными круассанами.

– Я думаю, что оно не терпит отлагательств, – настаивал

Анатолий.

– Хорошо. Валяйте, – отодвинув чашку с кофе, со вздохом сказала я.

– Давайте перейдем на ты.

– А давайте, – легко согласилась я.

– А как же старый добрый обычай?

– Вы про что?

– Я про брудершафт.

– Я не пью. Тем более с утра.

– Я в курсе, – улыбнулся Анатолий, явно намекая на вчерашний утренний «Samus».

– Это вы про вчерашнее? Так сами же говорили, что это было лекарство.

– Сегодня никакого лекарства. Только ваш любимый напиток.

– Вы уже и про мой любимый напиток знаете?

– Так, как вы смотрите на кофе, может смотреть только заядлый кофеман. Поэтому предлагаю поднять бокалы, – он поднял чашку, – и чокнуться.

Мы чокнулись, переплели руки и сделали по глотку. Я поставила чашку на стол.

– А поцеловаться? Обряды надо соблюдать точно, иначе...

– Что иначе?

Не ответив на заданный вопрос, Анатолий наклонился и поцеловал меня.

– Иначе я бы еще долго мучился, придумывая способ, как вас, то есть тебя поцеловать.

«Я бы тоже долго мучилась», – сказала я про себя. А вслух: – Ну, раз официальная часть закончена, предлагаю приступить к банкету.

Круассаны были восхитительными. А в сочетании с мандариновым джемом и горячим кофе – это была пища богов, которой я с удовольствием воздавала должное, оставляя на столе множество крошек.

– Таня, а знаешь, как французы едят круассаны, чтобы они не крошились?

– Но это же невозможно! Они такие хрупкие!

– Перед тем как откусить кусочек, они опускают круассан в кофе. Попробуй!

Я сделала так, как сказал Анатолий. Действительно круассан перестал крошиться, но есть его стало не так весело. «Ну их, этих французов», – подумала я и откусила не размоченный в кофе круассан.

Глава 10

Лицей Людовика Великого находился в самом центре Латинского квартала. Когда мы с Анатолием подошли к нему, солнечные часы на его башне показывали около 10 часов.

– Толя, а ты не боишься, что тебя узнают? – решила на всякий случай поинтересоваться я.

– Таня, неужели ты думаешь, что в Париже я такая же звезда, как в России? Здесь я всего лишь широко известная в узких кругах личность. И, насколько я знаю, сотрудники лицея Людовика Великого в эти круги не вхожи.

«Резонно», – подумала я и уже без тени сомнения продолжила свой путь.

Мы вошли в вестибюль и направились в помещение, в котором, судя по указателям, находилась администрация лицея. В коридорах никого не было. Ученики и их учителя были на каникулах. В приемной сидела молоденькая секретарша и со скучающим видом перекладывала бумаги.

– Здравствуйте, мадемуазель, – на чистейшем французском языке обратился к ней Анатолий. – Меня зовут Мишель Совари, я разыскиваю своего знакомого Алекса Миро. Я понимаю, что сейчас каникулы, и вряд ли найду его здесь. Но у меня безвыходная ситуация. Мы давно не виделись, но сейчас мне очень надо встретиться с ним. Телефон в его квартире не отвечает. Может быть, кто-то из его коллег знает, где

находится Алекс?

– Что за дело у вас к месье Миро?

– Это очень деликатное дело, мадемуазель.

– К сожалению, месье, ничем не могу вам помочь, – ответила секретарша разочарованно.

По всему было видно, что ей очень хотелось узнать, зачем эти двое разыскивают Алекса Миро. «Еще бы! – подумала я. – Тут, наверное, все женское население интересуется подробностями его жизни».

– Ой, – тихо вскрикнула я и сделала вид, что теряю сознание.

Если бы Анатолий меня не подхватил, я бы грохнулась прямо на пол.

– Воды! – заорал он опешившей секретарше, а сам стал усаживать меня на стул.

Девушка заметалась по кабинету, потом зачем-то выбежала в коридор.

– Толя, я беременна от Алекса, а он скрывается от меня, – быстро прошептала я на ухо журналисту и вновь откинулась на спинку стула.

– Я убью тебя! – только и успел ответить Анатолий. В комнату влетела секретарша со стаканом воды.

Анатолий быстро включился в игру, и они вдвоем стали хлопотать возле бесчувственного тела. Через некоторое время я открыла глаза, но весь мой вид говорил о том, что это единственное, на что я была способна.

– Вот, собственно, то самое деликатное дело, по которому мы и разыскиваем Алекса. Моя сестра беременна от него. А он скрывается.

– Какой ужас! – воскликнула секретарша. – Кто бы мог подумать! Месье Миро такой положительный человек!

– Мадемуазель, может быть, вы все-таки подскажите, где мы его можем найти?

– Месье Миро много времени проводит в библиотеке. Это все, что я могу вам сказать. Но, может быть, месье Леблан вам поможет. Он сегодня как раз в лицее. Я сейчас схожу за ним.

Когда за секретаршей закрылась дверь, я вскочила со стула и с диким воплем «Заработало!» кинулась Анатолию на шею.

– Ты меня в следующий раз предупреждай о своих выходах, – со смехом произнес он.

– Во-первых, если бы ты все знал, ты бы не вел себя так естественно. А во-вторых, это была импровизация. Так бы она нам ничего не сказала. Все-таки женская солидарность – это вещь! – Я была чрезвычайно горда собой.

Минут через пять секретарша вернулась в приемную с мужчиной лет сорока.

– Месье Совари, это месье Леблан, – представила она его Анатолию. – Он, как и месье Миро, преподает историю в нашем лицее.

Я чуть было не вышла из образа несчастной и покинутой

возлюбленной, когда увидела перед собой ожившего д'Артаньяна, хотя и изрядно потрепанного жизнью. Дело в том, что из всех экранизаций бессмертного романа Александра Дюма мне больше всего нравится старый фильм, выпущенный еще в 1961 году, в котором юного гасконца играл далеко не юный, но чертовски обаятельный и привлекательный Жерар Баррэ. И именно он, вернее, его двойник, стоял сейчас в приемной лица Людовика Великого. «Это не расследование, а вредное производство какое-то! – воскликнула я про себя. – Один мужик краше другого. Так и свихнуться недолго! Все, с завтрашнего дня начинаю пить молоко, чтобы не дать этой вредности проникнуть в организм».

Секретарша между тем проводила Анатолия и Жака Леблана в небольшой зал для переговоров, чтобы они могли там свободно пообщаться.

– Дорогая, не беспокойся, я скоро, – проговорил Анатолий по-французски, обращаясь ко мне.

Я ничего не поняла из того, что он сказал, но на всякий случай утвердительно кивнула. Чтобы исключить всякие поползновения со стороны секретарши вступить со мной в разговор, я прислонила голову к стене и закрыла глаза, вновь входя в образ несчастной жертвы.

Минут через двадцать Анатолий вернулся в приемную, и я открыла глаза. Журналист начал пространно благодарить секретаршу за помощь, а мне не терпелось оказаться на улице, чтобы узнать подробности его беседы с Жаком Лебланом.

– Может быть, вам вызвать такси? – спросила секретарша Анатолия.

– Нет, спасибо, мы сейчас выйдем на воздух, и я думаю, Мари станет лучше.

Я незаметно толкнула Анатолия в бок, боясь, что любезность секретарши не ограничится предложением вызвать такси.

– О, нам пора, – понял намек Анатолий, – еще раз спасибо вам за все. Вы нам очень помогли. До свидания.

– Наконец-то! – с облегчением выдохнула я, когда мы оказались во дворе лицея. – Рассказывай.

– Да, собственно, рассказывать особенно нечего. Не очень общительный человек твой Алекс.

– Он не мой, а Ленкин, – на всякий случай уточнила я.

– Прости. Так вот, за те десять лет, что Алекс живет в Париже и работает в лицее, он ни с кем близко не сошелся. Друзей у него нет, порочащих связей тоже.

– Что ты имеешь в виду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.